

Философия
непонимания
понимания

Герасим Авшарян

Герасим Авшарян

**Философия
непонимания понимания**

«Издательские решения»

Авшарян Г.

Философия непонимания понимания / Г. Авшарян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-690988-5

«Философия непонимания понимания» продолжает размышления, начатые в книге «Философия понимания непонимания». Если первая книга была попыткой признать границы собственного знания, то вторая обращает взгляд вовне — к удивлению перед тем, как на протяжении истории с уверенностью утверждалось, как устроен мир, как появился человек и т.д.. Это философское исследование сомнения, языка, науки, искусства и мышления как такового.

ISBN 978-5-00-690988-5

© Авшарян Г.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
О непонимании понимания	6
Глава первая	8
Когда понимание начинает вызывать недоумение	8
Глава вторая	10
Как всё начиналось	10
Глава третья	12
Когда сомнение оказывается честнее понимания	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Философия непонимания понимания

Герасим Авшарян

© Герасим Авшарян, 2026

ISBN 978-5-0069-0988-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

О непонимании понимания

В предыдущей книге «Философия понимания непонимания» я пытался зафиксировать одно простое, но неочевидное состояние – понимание собственного непонимания.

Не как отказ от мышления и не как капитуляцию перед сложностью мира, а как честную точку, в которой становится ясно: многие вещи, несмотря на все объяснения, остаются принципиально неясными. Я не знаю, как именно возник мир. Не знаю, как именно появилась жизнь. Не знаю, что в конечном счёте стоит за законами природы, за сознанием, за временем и бытием. И это незнание показалось мне не слабостью, а формой интеллектуальной честности.

Однако по мере размышлений возникло другое, не менее странное ощущение.

Если я ясно вижу границы собственного понимания, то почему столь многие другие – мыслители, философы, учёные – на протяжении истории с удивительной уверенностью утверждали, что **они поняли**, как всё было на самом деле? Более того, не просто поняли для себя, а сумели объяснить это всему человечеству – так, что объяснение стало частью образования, культуры, повседневного мышления и почти не вызывает сомнений.

И здесь возникло не отрицание, а **непонимание**.

Непонимание их понимания.

Как стало возможным, что предположения, реконструкции и интерпретации были восприняты как знание о прошлом мира?

Как возникло это спокойное «мы знаем», там, где непосредственное знание невозможно по определению?

Почему версии и модели так легко превращаются в истории «о том, как всё было», а затем – в убеждения, с которыми вырастают поколения?

Эта книга не утверждает, что учёные ошибаются.

И она не утверждает, что мир устроен иначе.

Она задаёт более неудобный вопрос:

по какому механизму человеческое мышление превращает неполное понимание в уверенность, а уверенность – в знание?

Особенно остро этот вопрос проявляется там, где речь идёт не просто о формулах и расчётах, а о происхождении самого человека, о смысле его появления, о том, кем он является по своей сущности. Когда ребёнку говорят, что «мы знаем, как всё было», редко уточняют, где заканчиваются данные и начинаются интерпретации. Где проходит граница между объяснением и верой в объяснение. Где научный язык перестаёт быть инструментом и начинает выполнять функцию современного мифа.

Возможно, здесь действует не злой умысел и не обман.

Возможно, речь идёт о чём-то более тонком – о наивности, о психологической потребности в завершённой картине, о своеобразном «учёном суеверии», при котором авторитет знания подменяет его основания.

А возможно, дело в том, что человек не всегда осознаёт момент, когда он перестаёт понимать – но продолжает считать, что понял.

Если первая книга была попыткой **понять своё непонимание**,

то эта – попытка **осмыслить чужое понимание**, которое вызывает не согласие и не протест, а искреннее философское удивление.

Я не предлагаю альтернативных версий.

Я не утверждаю, как всё было на самом деле.

Я не знаю – и не скрываю этого.

Но именно поэтому мне важно понять другое:

как и почему другие решили, что знают.

Эта книга – не спор и не разоблачение.

Это внимательное, иногда недоумевающее, иногда тревожное всматривание в сам акт понимания – в тот момент, когда он превращается в уверенность, а уверенность начинает жить собственной жизнью.

Возможно, в конце этого размышления вопросов станет больше, чем ответов.

Но, как показал опыт, именно это и есть признак того, что мышление всё ещё продолжается.

Глава первая

Когда понимание начинает вызывать недоумение

Есть вещи, которые я понимаю плохо.

И есть вещи, которые я не понимаю вовсе.

Но со временем я обнаружил нечто третье – понимание, которое само по себе стало для меня загадкой.

Я не понимаю, как некоторые объяснения, касающиеся самых сложных и удалённых от непосредственного опыта вопросов, приобрели статус очевидного знания. Не потому, что они кажутся мне ложными. А потому, что сама уверенность в них выглядит философски необъяснимой.

Когда человек говорит: «Я не знаю, как всё было», – это понятно.

Когда человек говорит: «Я предполагаю», – это тоже понятно.

Когда человек говорит: «Вот модель, которая объясняет наблюдаемое», – здесь есть ясность.

Но когда звучит: «Мы знаем, как всё было на самом деле», – именно здесь возникает непонимающее удивление.

Как именно возникло это «мы знаем»?

Из каких шагов, переходов и внутренних подмен оно сложилось?

Особенно странно это выглядит в тех случаях, где речь идёт не о текущих процессах, не о повторяемых экспериментах и не о наблюдаемом настоящем, а о далёком прошлом – о происхождении мира, жизни, человека. О том, чему никто не был свидетелем и что невозможно воспроизвести.

Возьмём простой и потому показательный пример.

Большинство людей с детства знают, что человек произошёл от обезьян. Формулировка может варьироваться, уточняться, усложняться, но базовый образ усваивается очень рано и почти без вопросов. Он становится частью фонового знания – чем-то таким же очевидным, как смена времён года или вращение Земли.

И здесь возникает не отрицание, а вопрос:

в какой момент реконструкция превратилась в знание о факте?

Мы не наблюдали происхождение человека.

Мы не имеем записей этого процесса.

Мы не можем вернуться в прошлое и проверить его ход.

Мы имеем:

- находки,
- интерпретации,
- логические цепочки,
- сопоставления,
- вероятностные выводы.

Всё это – важные элементы научного мышления. Но ни один из них сам по себе не даёт того, что обычно подразумевается под словом «было». Прошлое не наблюдается. Оно реконструируется. И между реконструкцией и утверждением «так всё и произошло» лежит философский зазор, который почему-то редко обсуждается.

Этот зазор не технический.

Он не связан с нехваткой данных.

Он онтологический.

Когда мы говорим о настоящем, мы имеем дело с тем, что происходит.

Когда мы говорим о прошлом, мы имеем дело с тем, что **мысленно восстановлено**.

И вот здесь возникает главный источник недоумения:

почему восстановленное воспринимается как увиденное?

Почему логически связанная версия начинает звучать как непосредственное знание?

Почему гипотеза, даже самая стройная, перестаёт восприниматься как гипотеза?

И почему сомнение в этом воспринимается не как философский вопрос, а как недостаток образования?

Почему все переворачивается с ног на голову? Причем, до такой степени, что умный теперь выглядит глупым из-за того что не верит многому из того что утверждается.

Возможно, дело не в злонамеренности (хотя и ее не стоит исключать как вариант).

И не в стремлении обмануть.

Скорее всего, причина глубже.

Человеческое мышление плохо переносит незавершённость.

Ему трудно жить в состоянии «мы не знаем, как именно».

Оно тянется к целостной истории, к связному рассказу, к объяснению, которое закрывает вопрос.

И чем авторитетнее источник, тем легче происходит эта подмена.

Если объяснение звучит научно, если оно поддержано институциями, если оно встроено в систему образования, оно перестаёт восприниматься как версия. Оно становится фоном. А фон редко подвергается сомнению.

Так возникает особый тип уверенности, который можно было бы назвать **учёным суеверием**.

Не в грубом, а в тонком смысле.

Раньше говорили: «так было, потому что так сказано».

Теперь говорят: «так было, потому что это доказано».

Но философский вопрос остаётся тем же:

что именно мы называем доказательством, когда речь идёт о том, чего никто не видел?

Это не критика науки.

Это попытка понять, как она начинает выполнять функции, которые выходят за пределы её собственных возможностей. Как описание процессов превращается в рассказ о происхождении, а рассказ – в картину мира, не допускающую альтернативных вопросов.

Я не утверждаю, что человек не возник в ходе эволюции.

Я утверждаю лишь одно:

я не понимаю, как из ограниченного знания возникает безусловная уверенность.

И это непонимание не ослабляет мышление.

Оно, напротив, возвращает его к жизни.

Потому что там, где понимание перестаёт вызывать вопросы,

оно слишком легко превращается не в знание,

а в привычку считать, что вопрос уже закрыт.

Глава вторая

Как всё начиналось

Если попытаться проследить, как человек вообще начал мыслить, то почти неизбежно приходится вернуться к одному из самых странных и значительных переломов в истории культуры. Примерно в VI веке до нашей эры в разных частях мира возникает нечто новое: человек начинает объяснять мир не через легенду, а через рассуждение.

До этого мышление тоже существовало.

Но оно существовало в иной форме.

Мир объяснялся через мифы, предания, священные истории.

Гром гремел потому, что такова воля богов.

Мир возник потому, что он был создан.

Порядок существовал потому, что он установлен свыше.

Эти объяснения не были наивными в бытовом смысле. Они были целостными. Они давали человеку ориентиры, смысл, место в мире. Но в них почти не было дистанции между рассказом и истиной. Легенда не нуждалась в доказательствах – она была формой понимания сама по себе.

И вот в какой-то момент происходит разрыв.

Человек начинает спрашивать:

а если мир устроен не так, как о нём рассказывают?

а если за явлениями стоят не образы, а принципы?

а если реальность можно понять, не опираясь на предание?

Так рождается философия.

И в своём начале это был по-настоящему прогрессивный шаг.

Отказ от легенды означал не потерю смысла, а приобретение свободы мышления.

Человек впервые попытался мыслить **сам**, не ссылаясь на авторитет прошлого. Он начал искать основания, а не пересказывать истории. Он стал различать объяснение и рассказ.

Это был огромный шаг вперёд.

Но именно здесь возникает вопрос, который редко задают:

а что произошло потом?

Отказавшись от одних легенд, не создал ли человек другие – только в иной форме?

Не заменил ли он мифологическое объяснение научным, сохранив при этом саму структуру уверенности?

Новые объяснения уже не говорили языком богов.

Они говорили языком причин, законов, процессов.

Но по своей функции они всё чаще начинали выполнять ту же роль – давать завершённую картину мира, в которой всё уже объяснено.

Разница была существенной, но не полной.

Легенды ушли – потребность в завершённости осталась.

Особенно это заметно там, где речь заходит о начале всего.

О происхождении мира, жизни, человека, сознания.

Если остановиться и посмотреть честно, обнаруживается странная вещь.

На самом деле никто сегодня точно не знает:

– как именно возник мир;

– существовал ли в начале разум, положивший ему начало;

– или же материя каким-то образом возникла сама и все так завертелось, что появилось сознание, которое столь же бесследно исчезнет.

Все эти варианты существуют.

Ни один из них не может быть окончательно доказан.

Ни один не может быть окончательно исключён.

И всё же в образовательных системах, в массовом сознании и в культуре в целом часто создаётся впечатление, будто вопрос решён. Не как рабочая гипотеза, не как модель, а как окончательное знание о том, «как всё было».

Почему?

Почему вместо честного признания множества возможных объяснений чаще предлагается одна линия, одна история, один вывод?

Почему ребёнку редко говорят: «мы не знаем наверняка», но часто говорят: «мы знаем»?

Здесь особенно показателен один логический скачок, который почти не обсуждается.

Наличие эволюционных процессов часто воспринимается как аргумент против существования Создателя. Как будто эти две идеи исключают друг друга. Но философски это далеко не очевидно.

Если допустить существование разумного начала, то эволюция вовсе не выглядит проблемой. Напротив – она могла бы быть самым элегантным способом творения. Запустить процесс, задать законы, а дальше позволить миру разворачиваться самому. С точки зрения замысла это даже проще, чем непрерывное вмешательство.

И всё же в массовом мышлении почему-то закрепляется иная связка:

есть эволюция – значит, нет Создателя.

Откуда возникает эта уверенность?

Почему один возможный вывод становится единственно допустимым?

Эта глава не утверждает, что здесь есть злой умысел.

И не утверждает, что кто-то намеренно вводит других в заблуждение.

Вопрос ставится мягче – и от этого, возможно, сложнее:

о чём говорит сама склонность к такой уверенности?

О наивности?

О психологической потребности в простой картине?

О недостатке философической осторожности?

О трудности честно сказать: «мы не знаем»?

Или о совокупности всех этих факторов сразу?

Когда легенды сменяются теориями, но структура уверенности остаётся прежней, мышление делает лишь половину пути. Оно меняет язык, но не всегда меняет отношение к собственным выводам.

Возможно, именно здесь и проходит граница между подлинным мышлением и его имитацией.

Не в том, *какое* объяснение предлагается,

а в том, *как* к нему относятся.

Философия когда-то началась с отказа принимать легенду за истину.

Но, возможно, её работа ещё не завершена – если новые легенды просто стали говорить на более сложном языке.

Глава третья

Когда сомнение оказывается честнее понимания

История философии часто рассказывается так, будто она заранее знала, к чему идёт. Мы оглядываемся назад и видим цепочку «предвосхищений»: один философ почти угадал, другой подошёл вплотную, третий ошибся, но был «на верном пути». Из сегодняшнего дня прошлое выглядит как подготовка к настоящему.

Но для самих философов всё было иначе.

Они не знали, кто окажется «прав».

Они не знали, какие идеи переживут века.

Они не знали, что будет открыто позже.

И именно поэтому особенно интересно не то, **кто оказался прав**, а то, **кто позволял себе сомневаться** – даже там, где соблазн уверенности был велик.

Хорошим примером здесь является **Мишель Монтень**.

Монтень не строил системы.

Он не предлагал картины мира.

Он не стремился объяснить, как всё устроено на самом деле.

Он делал нечто гораздо более редкое:

он постоянно задавал вопрос – *почему я должен быть в этом уверен?*

В своих «Опытах» он обсуждает самые разные философские взгляды – иногда с уважением, иногда с иронией, но почти всегда с осторожной дистанцией. Он не спешит соглашаться даже с тем, что звучит разумно. Его мышление не направлено к завершённости. Оно направлено к честности.

Особенно показателен его жест по отношению к древним философам.

Монтень упоминает **Демокрита**, который задолго до современной науки предположил атомное устройство мира. Сегодня мы знаем, что идея атомов в каком-то смысле оказалась плодотворной. Мы можем сказать: Демокрит был прав (и тут я удивляюсь самому себе: а почему я так уверен?).

Но Монтень так не говорит.

Он не спрашивает: «прав ли Демокрит?»

Он спрашивает: **«откуда я должен знать, что он прав?»**

Для него важно не совпадение с будущими открытиями, а основание уверенности в настоящем. Он видит, что идея может быть красивой, логичной, убедительной – и всё же оставаться предположением. И он не считает своим долгом превращать предположение в знание лишь потому, что оно звучит разумно.

И здесь происходит нечто принципиально важное.

С точки зрения истории науки Демокрит оказался «ближе к истине», чем многие его современники.

С точки зрения философской честности Монтень оказывается не менее значимым – потому что он не подменяет незнание уверенным согласием.

Сомнение Монтеня – это не отрицание.

Это отказ выдавать вероятность за знание. И также (почему бы нет) – желаемое за действительное.

Ещё более показателен другой, на первый взгляд бытовой пример, который он приводит. Рассуждая о человеческом разуме, Монтень затрагивает тему животных. Многие фило-

софы до него утверждали, что у животных нет разума, что они действуют исключительно по инстинкту, что мышление – привилегия человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.